

Литература

1. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / пер. и прим. С.И. Радцига. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: МПСИ, 2007.
2. Виц Б.Б. Демокрит. – М.: Мысль, 1979.
3. Лазртский Д. О жизни, учениях, изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1998.
4. Лосев А.Ф. Античная философия истории. – СПб.: Алетейя, 2001.
5. Марк Тулий Цицерон. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. – М.: Мысль, 1999.
6. Платон. Государство. Избранное: пер. с древнегр. / вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М.: Изд-во АСТ, 2004.
7. Платон. Соч.: в 3т. – М., 1968–1972. – Т.3(1).
8. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М., 1992. – Т.1.

УДК 101.3

Н.Т. Казакова

ИСТИНА В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ: ОТ ТЕОРИИ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ДО ТЕОРИИ КОГЕРЕНЦИИ

Статья посвящена «вечной» проблеме человеческого и, прежде всего, философского познания — проблеме истины. Философы в своих работах чаще всего противопоставляют существующие концепции истины: корреспондентскую – когерентной, когерентную – дефляторной, метафизическую – предметной. Исходя из того, что философия и другие науки оперируют не только объективными, но и субъективными смыслами я предлагаю принцип дополнительности в решении проблемы истины и обосновываю необходимость перехода от корреспондентской концепции истины к когерентной и наоборот, от когерентной к корреспондентской концепции истины.

Ключевые слова: философия, познание, субъект, объект, истина, корреспонденция, когеренция, теория, практика.

N.T. Kazakova

TRUTH IN THE MIRROR OF PHILOSOPHICAL REFLECTION: FROM THE CORRESPONDENT THEORY TO THE COHERENT THEORY

The article is devoted to the "eternal" human issue and, above all, the philosophy of knowledge which is the issue of truth. Philosophers in their works often oppose the existing concepts of truth: the correspondent to the coherent, the coherent to the deflatory and the metaphysical to the subject. Based on the fact that philosophy and other sciences operate not only objective but also subjective meanings, I propose the principle of complementarity in solving the issue of truth and justify the need to transition from the correspondent concept of truth to the coherent and vice versa, from the correspondent to the coherent concept of truth.

Key words: philosophy, cognition, subject, object, truth, correspondence, coherence, theory, practice

Тема «Переосмысления философии сегодня», заявленная на XXII Всемирном философском конгрессе в Сеуле, актуализирует «вечные» проблемы научного познания. Одной из важнейших таких проблем является проблема истины. «Что есть истина?» – в этом вопросе сосредоточена многовековая «мука» пытливых умов от безуспешности найти ответ, годный «для всех времен и народов». Возможно, поэтому Иисус Христос так долго и с таким сочувственным страданием смотрел на Понтия Пилата, задавшего ему этот вопрос, прежде чем ответить на него. Да и в самом ответе Иисуса: «Се человек» кроется намек на его невозможность. Когда вы прочитаете эти строки, первое, что, по всей вероятности, удивит вас, просвещенного человека, – это их тривиальность. «Как, не существует ответа? – скажете вы, – А как же наука и научные открытия? Ведь их существование невозможно без истины!»

Действительно, хотя истина и не открывается сама по себе, тем не менее, положение человека по отношению к познаваемому им миру далеко не так безнадежно, как это, возможно, представлялось Иисусу. В данном случае, имеем в виду литературный вариант «великого сомнения», представленный М. Булгаковым в известном романе «Мастер и Маргарита».

Тем более, что ни философия, ни другие науки с таким положением не смирились. Вопрос «что есть истина?» ставился каждым философом, и, так как человечество еще с более древних времен, нежели библейская история, ищет истину, мы должны внимательно исследовать попытки выяснения ее сущности.

Для этого необходимо, прежде всего, зафиксировать значимость теории отражения для понимания самой важной классической (корреспондентской) концепции истины. В последнее время стали раздаваться голоса, которые утверждают, что процесс познания, понимаемый как отражение в нашем сознании объективного положения дел в мире, является неверным, что это якобы устаревшая концепция, которая должна быть отброшена как не соответствующая современному типу рациональности. Мы с такими утверждениями решительно не согласны. Теория отражения продолжает оставаться наиболее точным выражением основного содержания познавательного процесса. Эту позицию мы последовательно проводим как в преподавательской работе со студентами и аспирантами, так и в своих публикациях. Ее фундамент базируется на философских, методологических, логических допущениях, наиболее фундированных в научном сознании.

Конечно, процесс познания является чрезвычайно сложным и многомерным, а потому «втиснуть» его исключительно в рамки отражательного процесса невозможно, и, разумеется, признаем, что познание, как философское, так и частнонаучное, не исчерпывается процессом отражения. Однако отражение выступает в качестве его основной процедурной «единицы». Другими словами, в основе познания находится именно то содержание, которое фиксируется теорией отражения. То, что теория отражения является главной формой выражения содержания познавательного процесса, мы утверждаем не только как философы, но и как логики, которые постоянно и непосредственно занимаются отражательным процессом конкретно, что называется, «с карандашом в руках». Причем этот факт проговаривается даже теми, кто в угоду новейшим философским и псевдофилософским модным веяниям так недальновидно отрещивается от классической теории отражения. В этом проявляется какая-то совершенно непонятная интеллектуальная слепота, вызванная, скорее всего, идеологическими соображениями, ибо считается, что классическая теория отражения нашла свое логическое завершение в марксистско-ленинской философии.

Прежде всего, давайте обратимся к опыту философской рефлексии. Насколько это сложная задача, вы можете убедиться, обратившись к «началу начал» понимания представления об истинном знании, выраженным Платоном в диалогах, в которых Сократ пытается установить, как отличить истинное знание от неистинного и истинное знание от истинного мнения. Платон отмечает сложность ответа на вопрос: как все-таки ум отличает знание от мнения, а истину от лжи? Как сказал Сократ в диалоге «Теэтет»: «По крайней мере, мой милый (Теэтет – Н.К.), если бы истинное мнение и знание были одним и тем же, то без знания даже самый пронзительный судья не вынес бы правильного решения. На самом же деле, видимо, это разные вещи» [1, с.263].

Следующий шаг сделал Аристотель, когда он от дескриптивного (описательного) способа представления переходит к прескриптивному (предписательному) и нормативному способам определения знания. Поэтому наиболее адекватной отражательной теории познания может быть только классическая (корреспондентская) концепция истины, восходящая еще к Античности. Согласно ей, сказать, что существующее не существует или что несуществующее существует, значит высказать ложь, сказать же, что существующее существует, а несуществующее не существует, значит высказать истину. Именно поэтому Аристотель утверждает: «Если некоторые (вещи), способные быть и не быть, то должно быть задано некоторое максимальное время (их) бытия и небытия...» [2, с.299]. Иначе говоря, здесь истина может и должна рассматриваться как соответствие знаний с действительностью.

Такой подход, естественный для античности, не исчерпал своих эвристических возможностей и в последующие исторические эпохи. Этот вопрос занимал английского философа XVII века Джона Локка, он исследовал сферу человеческого познания и место истины в ней в работе «Опыт о человеческом разумении». «На мой взгляд, – писал он, – истина, в собственном смысле слова, означает лишь соединение или разъединение знаков (т.е. идей или слов – Н.К.) сообразно соответствию или несоответствию обозначаемых ими вещей друг с другом. Это соединение или разъединение знаков мы называем «положением», («высказыванием») ... Так что, собственно говоря, истина относится только к высказываниям. А высказывания бывают двух видов – мысленные и словесные, так же, как двух видов бывают и наши обычные знаки, а именно идеи и слова» [3, с.51–52]. Далее Локк указывает, что такое понимание истины имеет строгий смысл, однако же, встречаются истины и другого рода. Например, «Метафизическая истина, которая представляет собой не что иное, как реальное существование вещей сообразно с идеями, с которыми мы связали их имена», – говорит он. [3, с.56].

Что же получается? С одной стороны, истину нужно «открыть», но это возможно только тогда, когда мы сможем отделить вещи от слов, обозначающих их имена, отделить необходимое от случайного, действительное от возможного, существенное от несущественного. Вот именно поэтому такое большое значение имеет корреспондентская теория истины. Ведь целью любого познания является установление того, как реально устроен мир, каковы те явления и процессы, которые наличествуют в этом мире. С этой точки зрения именно классическая (корреспондентская) концепция истины как раз и соотносит наше знание о мире с тем, что имеет место быть в этом мире.

Совершенно корректно это заключение можно перенести и на постановку проблемы истины в частнонаучном дискурсе. Для подтверждения обратимся к крупному ученому XX века – английскому математику Бертранию Расселу. Он по вопросу определения истины выступал с завидной постоянностью в течение нескольких десятков лет. Математик и логик со всей очевидностью понимал значение философии для других наук и значение философского понимания проблемы истины для научного познания в целом. Он всегда утверждал, что его теория истины, развитая в «Исследовании значения и истины», является принципиально корреспондентской теорией. Другими словами, предложение или верование «истинно» благодаря какому-то отношению к одному или большему числу фактов, но отношение это не всегда является простым и изменяется в зависимости от структуры рассматриваемого предложения и от отношения к тому, что утверждается к опыту [4].

Теорию отражения и корреспондентскую концепцию истины не случайно связывают с марксистско-ленинской философией. Завеса над этими сложнейшими проблемами гносеологии была снята В.И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Именно он продолжил разработку идеи марксистской философии о диалектическом характере природы истины как процесса движения мысли от относительного знания к абсолютному знанию. Поэтому истины, как таковой, т.е. абстрактной, вне познания объекта не существует, вещи сами по себе (вне познающего субъекта) не истинны и не ложны. Другими словами, вне отношений субъекта и объекта никакой истины быть не может. А, следовательно, характерной чертой истины является наличие в ней объективного содержания и субъективной формы выражения, т.е. адекватного отражения.

Субъективная сторона истины заключается в том, что она может быть выражена только посредством человека. Притом, что «субъективная истина» – это бессмыслица, субъективна она только по форме выражения, а по содержанию истина объективна. Объективность истины означает, что истинное содержание человеческих представлений не зависит ни от человека, ни от человечества. Ленин, говоря об объективности истины «независимо ни от человека, ни от человечества», утверждал, что область истины – это область диалектики объективного и субъективного [5, с.272–273].

Я не разделяю мнение некоторой части научного сообщества, в том числе и философского, о «смерти» классической (корреспондентской) теории истины. Просто с изменением, с одной стороны, способа философствования (переход от классических форм вопрошания к неклассическим и постнеклассическим), а с другой – отделением наук о природе и обществе от философии, возникает потребность в другом подходе к пониманию истины, а значит, и совершенно иной процедуре подтверждения теоретического (научного) знания. Конечно, неправильно будет утверждать, что с появлением экспериментально-опытных форм апробации знания логические утратили свое значение, просто они стали выполнять вспомогательную функцию в проверке истинности знания. Для усиления логического основания теории корреспонденции в современной логике был введен основополагающий постулат этой концепции посредством следующего метаязыкового выражения: « r » истинно \equiv « r ». В данной эквиваленции слева стоит метаязычное утверждение об истинности предложения r , где « r » – это метаязычное имя предложения r языка-объекта. Справа стоит само предложение r , выражающее некоторое положение в мире. Знак эквивалентности как раз и утверждает в соответствии с теорией отражения наличие адекватности (соответствия) между предложением « r » и положением в мире, т.е. объектом r . Например: «Снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег бел. Однако, как справедливо указывает Г.Д. Левин, если мы не будем различать объектный язык и метаязык, то в итоге мы придем не к теории когеренции, а к дефляторной теории истины. Дефляционизм, по его мнению, есть «...система точек зрения, общая цель которых – понять природу предиката «истинно» из контекстов, в которых он употребляется...» [6, с.19].

На наш взгляд, не правильно классической теории истины (корреспондентской) противопоставлять когерентную теорию. К сожалению, такая практика имеет довольно прочное положение в научном мире. Согласно теории когеренции предложение считается истинным, если оно входит в состав непротиворечивой теории, то есть если оно выводимо из аксиом такой теории. Здесь истинность понимается как взаимная согласованность утверждений, их взаимная непротиворечивость. Такое понимание широко используется в геометрии, математике. Действительно, в геометрии непосредственно описываются свойства и устанавливаются отношения, справедливые для геометрических фигур, которые являются идеальными объектами. А потому, скажем, известная всем из школьного курса теорема Евклидовой геометрии, гласящая, что «сумма внутренних углов треугольника равна двум диаметрам», вовсе не относится к реальным геометрическим

телам. Допустим к треугольнику, нарисованному учеником в тетради. Естественно, что истинность этого утверждения нельзя проверить, соотнося его с материальным миром. Любая попытка соотнесения, т.е. практической проверки указанного в теореме свойства треугольника, например, измерение его углов с помощью транспортира, нарисованного карандашом в тетради, или мелом на школьной доске, закончится неудачей. И из-за погрешностей при измерении, так как мы никогда не получим 180° , и из-за того, что утверждения геометрии или математики относятся не к материальным объектам, а к идеальным.

Поскольку же идеальными объектами занимается не только математика, но и другие науки, в том числе и философия, постольку не продуктивно противопоставлять корреспонденцию и когеренцию. Думаем, что вполне корректно будет рассматривать их по принципу дополнительности. Считаем, что тем самым мы снимаем главное ограничение теории корреспонденции, ее применимость к верификации идеальных объектов. Осуществив «переход» от концепта «корреспонденция» к концепту «когеренция», мы снимем такое ограничение, поскольку единственным обоснованием истинности такого утверждения является его выведение из аксиом.

Как видно, когерентная истина явление немаловажное, но у нее есть существенный недостаток. Он заключается в том, что, взяв либо заведомо ложные утверждения о мире, либо бессмысленные положения теории, мы можем построить внутренне непротиворечивую концепцию, которая будет формально соответствовать критерию истинности. Отличной иллюстрацией сказанному может быть научный скандал конца XX столетия, когда американский физик Алан Сокал опубликовал статью «Нарушая границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации» (1996). После шумного признания идей, высказанных ученым, он признался, что эта статья является ничем иным как мистификацией, аферой или, в лучшем случае, «научным» экспериментом. И правда, научная статья в действительности оказалась набором грамматически и логически правильно связанных компьютером слов. После этого в соавторстве с Ж. Брикмоном появилась книга «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна» (2002). По словам авторов, «...Книга родилась из популярного сейчас розыгрыша, в котором один из нас опубликовал в американском культурологическом журнале «Социальный Текст» пародийную статью, напичканную бессмысленными, но, к сожалению, достоверными цитатами о физике и математике известных французских и американских интеллектуалов. ... чего именно мы хотим добиться? Не так много, но и не так мало. Мы показываем, что такие известные интеллектуалы, как Лакан, Кристева, Иригарэй, Бодрийар и Делез неоднократно злоупотребляли научными концепциями и терминологией: или, используя научные идеи полностью вне контекста, никак не обосновывая, отметим, что мы не против перенесения концепций из одной области в другую, а возражаем лишь против таких необоснованных переносов – или же кичась научным жаргоном перед своими читателями, которые не являются учеными, не обращая никакого внимания на его адекватность и даже значение. Мы не считаем, что это умаляет значение остальной части их работы, судить о которой мы не беремся... Другой мишенью нашей книги является эпистемологический релятивизм, а именно идея, которая, по крайней мере, когда выражена отчетливо, гораздо более широко распространена в англоговорящем мире, чем во Франции, и состоит в том, что современная наука есть не более, чем "миф", "повествование", или "социальная конструкция"» [7].

Но в науке есть и другие примеры. Таким хорошим примером теории когеренции является небесная механика Птолемея, несоответствие которой действительному миру было установлено только через тысячу лет. Правда, это не очень мешало астрономии развиваться. Можно привести еще один интересный пример. В свое время Р. Декарт построил теорию соударения бильярдных шаров. Говорят, что на замечание опытного бильярдиста о том, что его теория не соответствует практике игры и фактам, отвечал: «Тем хуже для игроков и фактов». В соответствии с когерентной истиной он вполне мог сказать: «Что вы ко мне пристаёте с пустяками, ведь я построил непротиворечивую теорию».

Конечно, когерентная истина должна проверяться тем или иным способом на корреспондентскую истинность. Правда, чаще всего в этом случае проверяется не истинность отдельных положений теории, а вся теория в целом. Такой проверкой правильности евклидовой геометрии является ее широкое использование при построении технических устройств – мостов, самолетов и т.п.

Методологическим (философским) положением для научной истины является допущение: если не существует априорных (врожденных) абсолютных истин, а есть только результат или отражения, или презентации, или интерпретации объективной (субъективной) реальности, то проверка истины должна осуществляться путем целенаправленного упорядочивания явлений, феноменов, объектов действительности путем эксперимента (реального, идеального) или практической деятельности (производства).

Связь философии и частных наук позволяет, с одной стороны, конкретизировать философские абстракции, а с другой – обобщить естественно-научные факты до выявления мировоззренческих закономерностей. Все это делает чрезвычайно важными многие аспекты развития естествознания и других частных наук для философии, и, в свою очередь, развитие философского вопрошания о мире – для конкретизации различных наук. Хорошей иллюстрацией перехода от теории корреспонденции к теории когеренции может быть

роль философии в осмыслении революционных изменений в естествознании конца XIX – начала XX веков. Законы классической механики большинством ученых рассматривались как всеобщие и фундаментальные, а когда на смену классической физике (механике) пришла квантовая физика, то она, в буквальном смысле, перевернула физическое мышление с ног на голову в вопросе верификации (проверки) физических и иных естественных теорий. Новые представления о материи, пространстве, времени, причинности потребовали принципиального переосмысления. С одной стороны, революция в физике показала сложный характер отражения реальности мира в сознании познающего субъекта, а с другой – прогрессирующая специализация и сегментация естественно-научных дисциплин привела к распространению частичных, дробных представлений о тех или иных предметных областях, а следовательно, и к востребованности своего рода иной, «комплексной» истины. Нахождение такого рода истины – есть конкретный процесс научного познания, в ходе которого истина устанавливается и проверяется, независимо от того, в каком предметном пространстве мы находимся: квантовой теории, космологии, биологии, химии и даже математики.

Как известно, Рудольф Карнап наделял «чистую» математику таким же статусом, как и логику, то есть относил математику к теории возможных миров. «Законы логики и чистой математики, – писал он, – благодаря самой их природе не могут быть использованы в качестве основы для научного объяснения, потому что они ничего не говорят нам о том, что отличало бы действительный мир от некоторого другого возможного мира» [8, с.50]. Однако сегодня найдется не так уж много ученых, которые отнесли бы математику к теории возможных миров и отказали ей в праве дескрипции и презентации действительного (реального) мира.

В философской рефлексии «истина» все-таки определяется, как через корреспонденцию, так и через когеренцию: ни одна истина не является независимой от какой-либо другой истины, каждая, сформулированная во всей полноте и без незаконной абстракции, оказывается истиной обо всем универсуме рассуждения, если она соответствует его природе. Ложь, согласно этой точке зрения, состоит в абстракции и таком понимании частей, как если бы они были независимыми целыми.

Почему же вопросы: «Может ли человек иметь истинное знание о мире, в котором живет? Может ли он познать мир, в соответствии с тем, каков он есть?» – остаются открытыми?

Во-первых, развитие научного знания в форме теорий всегда предполагает уточнение и увеличение объема наших знаний. Новая теоретическая или экспериментальная информация отвергает какие-либо ошибочные представления существующих теорий. Благодаря этому сужаются границы применимости уже существующих теорий истины. В современной научной практике кроме основных (корреспондентской и когерентной) концепций истины существует множество неосновных: прагматическая, конвенциональная, экзистенциальная, ревизионная, идентификационная, предметная и др. Во-вторых, новая информация позволяет дополнить позитивную часть прежних представлений новыми гипотезами и теориями. Они, в свою очередь, дают возможность расширять пределы достоверного знания. Постоянное развитие фундаментальной науки уточняет или отвергает существующие представления. В этом смысле научная истина есть процесс познания, который никогда не прекращается. Она фиксирована для каждого периода развития науки. Отсюда следует, что любое теоретическое представление, которое имеет абсолютную применимость (т.е. имеет безграничные пределы применимости) или же абсолютно неизменно по своему содержанию во времени, есть догма.

Следовательно, в отношении теории истины, в философии и других науках вопрос может решаться о более или менее адекватном отражении действительности. И очень часто это «более или менее» адекватное отражение мира зависело и зависит от претензий философа или философской школы (направления) на знание о мире, как он (мир) есть сам по себе. Скажем, достаточно сравнить атомистическую картину мира античного философа Демокрита и картину мира его младшего современника Платона. Если и говорить об адекватности отражения, то его качественная характеристика будет относиться не столько к знаниям о самом мире, сколько к представлениям собственных (философа) «образов» этого мира.

Немецкий философ Ханс Георг Гадамер справедливо отмечал: «...дело не в том, что философия будто бы только сегодня начинает видеть в этом проблему... В нашей культуре, связанной с наукой, нарушена первичность вопрошания, здесь и лежит корень угрожающей ей проблемы... То решающее, что только и создает исследователя в науке, есть умение видеть вопросы. А видеть вопросы – значит, быть способным преодолеть замкнутый непроницаемый слой расхожих предубеждений (*Vormeinungen*), владеющих всем нашим мышлением и познанием. Настоящему исследователю свойственна способность преодолевать этот слой таким образом, что при этом вскрываются новые вопросы и становятся возможными новые ответы. Каждое высказывание имеет собственный смысловой горизонт, возникающий в проблемной ситуации (*Fragesituation*)....» [9, с.63].

Конечно, Гадамер прав, недостаточно сформулировать в противоположность понятию научной истины, которая является безличной, всеобщей и имеет обязательный характер, противоположное понятие экзистенциальной истины. Скорее, за связью истины (философской или конкретно научной) с возможной экзистенцией, на которой он настаивал, стоит более общая философская проблема. Только здесь вопрос о сущ-

ности истины действительно вышел за рамки проблемной области философской рефлексии или общетеоретической рефлексии в область практического действия. Другими словами, независимо от того как устанавливается достоверность истины корреспонденцией или когеренцией возникает проблема критерия той или иной истины.

Проблема критерия истины относится к числу «интеллектуальных головоломок» для тех, кто полагает, что достоверность всего человеческого знания можно доказать методом его выведения из определенного числа всеобщих положений, истинность которых самоочевидна в силу их ясности. Противоречие им немыслимо уже в силу законов логического следования. Но такой критерий истины очень слаб. Он не выдерживает критического анализа в ходе познания и проверки истинности всего знания. Также не может служить критерием истины чувственное наблюдение. То есть поиски критерия истинности знаний в самом знании не дали результатов.

К критерию истины должны предъявляться более строгие требования: во-первых, он должен быть непосредственно связан со знанием, определять его развитие, и в то же время сам им не являться; во-вторых, этот критерий должен был соединить в себе всеобщность с непосредственной действительностью.

Такой критерий был предложен в марксистской философии, и им стала общественно-преобразующая деятельность субъектов исторического процесса, или практика, которая должна была разрешить интеллектуальную головоломку. Проверка наших знаний, отделение истинных положений от ложных, по мнению родоначальников марксистской философии, совершается практически. Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» правильно сказал, что кантовской «вещи в себе» приходит конец, когда на практике производится что-то, как в случае с ализарином [10]. Практика является хоть и не абсолютным, но все же достаточно серьезным критерием истины. Проверка наших знаний, отделение истинных положений от ложных действительно совершается в практике.

Вопрос о том, является ли практика абсолютным критерием истины? И ответ – нет, ибо практика сама развивается в процессе исторического развития человечества, делает проблему истины знания, действительно «вечной» проблемой, требующей ее перманентного переосмысления. Одно кажется, во всяком случае, пока, несомненным: философия является особым способом самосознания не только культуры в целом, но и науки, в частности. Правда, с одним небольшим уточнением. Философия (исключения не будем принимать во внимание) не является догматической наукой и поэтому «...не может предложить таких интерпретаций, которые потом не были бы интерпретированы по-новому, и не дает таких решений, которые не были бы впоследствии перерешаемы» [11, с.21]. Не думаем, что подобное положение может быть охарактеризовано как кризисное, думаем, что это нормальное состояние человеческого познания.

Литература

1. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1993. – Т.2.
2. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. – М., 1981. – Т.1, 3.
3. Локк Д. Сочинения: в 3 т. – М., 1985. – Т.2.
4. Рассел Б. Мое философское развитие // Проблема истины в современной западной философии науки. – М., 1987.
5. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. – Т.18.
6. Левин Г.Д. Истинность и рациональность. – М., 2011.
7. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. – М., 2002.
8. Философские основания физики. – М., 1971.
9. Гадамер Х.Г. Что есть истина? // Логос. – 1991. – Вып. 1.
10. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Соч. – Т. 21.
11. Лекторский В.А. Философия как понимание и трансформирование // Вопр. филос. – 2009. – №1.